

Н.А. Головин

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ДЕВИАНТНОСТИ

Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. — 245 с. ISBN 978-5-288-05248-4

Девиантность — чрезвычайно многообразный феномен, граничащий с множеством иных социальных явлений и отношений на микро-, мезо- и макроуровне общества. Девиации — оборотная сторона общественных норм, им противостоит система социального контроля. В результате длительного изучения проблемы стало ясно, что действуют биологические, психические, социальные и другие причины девиантности. В последние десятилетия обнаружилось, что в феномен девиантности входит и ее социальное восприятие и конструирование обществом (точка зрения социального конструктивизма, ставшая общепризнанной, правильной), — но все это лишь первый, общественный уровень осмысления девиантности. Когда девиантность становится предметом науки, создается второй уровень рефлексии — научный, учитывающий первый, общественный. Девиантология, в соответствии со своим объектом — девиантным поведением и его причинами, является междисциплинарной наукой. Социология может и должна участвовать в ее разработке. Более того, специалист-социолог или представитель другой отрасли науки может попытаться обобщить накопленное междисциплинарное знание о девиациях и опыт их изучения, разобраться в накопившихся теоретико-методологических проблемах. Такая попытка означает третий уровень абстрагирования — рефлексии над самой наукой о девиациях, включающий первый и второй уровни (дальнейших уровней абстрагирования нам не потребуется).

Головин Николай Александрович (1956 г. р.) — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Nikolay.Golovin@mail.ru).

Книга Т.В. Шипуновой «Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы» вышла в социологической серии Издательства Санкт-Петербургского государственного университета в 2012 г. Считается, что для ознакомления специалистов с новой книгой требуется несколько лет. Но эта работа прочитана быстро, потому что актуальна и интересна. Ведь в девиантологии накопилось много вопросов, требующих рассмотрения и обобщения. Противостояние социологической и нормативистской парадигм, дефицит понятийного аппарата, недостаточная развитость методологической базы междисциплинарного подхода к изучению объекта, нерешенность вопроса о соотношении объективной и субъективной детерминант девиантного поведения, отсутствие связи теорий и моделей девиаций и социального контроля с фундаментальной теорией общества (социального порядка) — вот препятствия к развитию комплексных исследований социальных отклонений. Возникает необходимость концептуализации теоретического знания, полученного в разных дисциплинах, учениях, теориях, школах. Теоретико-методологическая рефлексия такого уровня и стала темой рассматриваемой монографии. Остановлюсь лишь на наиболее актуальных теоретических проблемах, нашедших авторское обсуждение и решение в книге.

Следует особо отметить, что автор представляет перспективную тенденцию в теоретической социологии — интегративную, которая постепенно вытесняет кризисную тенденцию, возобладавшую в теоретической социологии в последней четверти XX в. и приведшую к дефициту общих теорий многих социальных объектов, в том числе к ослаблению теоретических исследований девиации в социологии. На страницах книги автор признается читателю: «Мне хотелось показать, что научное поле едино. Что при желании и уважительном отношении к “научным играм” (Ж.-Ф. Лиотар) разных авторов можно вполне органично объединять и использовать различные подходы, точки зрения для многоаспектного освещения предмета рассмотрения» (с. 242). Если судить по другим работам исследовательницы, «Введению в синтетическую теорию преступности и девиантности» (Шипунова 2003) и «Проблеме синтеза теорий девиантности» (Шипунова 2004), интегралистская позиция — исходная теоретическая ориентация автора. Это, повторимся, перспективная позиция, правда, не гарантирующая успеха (в силу мультипарадигмальности социальных наук). Но тем интереснее читать такую книгу.

Логика монографии направлена на воссоздание связи девиантологии с фундаментальной социологической теорией, ведь автор задумывается о «скрытых механизмах управления социальным порядком и контроля реальности» (с. 242). Отсюда возникает «красная нить» монографии — системное видение девиантности разворачивается от понимания социальных норм (глава 2) к моделированию социального контроля в обществе (глава 4) с опорой на прояснение дискуссионных вопросов создания общей теории девиантности (глава 1) и имеющихся подходов к объяснению девиантных явлений (глава 3). Так требует тема и ее объект.

Несмотря на две «красные нити», книга разделена на главы, и читать ее нужно именно так. Она начинается с выяснения общетеоретических, философ-

ских вопросов (глава 1), рассмотрения противоположностей «общее — единичное», «объяснение — понимание», «индивидуализм — холизм». Обозревая в этой связи давнюю дискуссию о методе объяснения и методе понимания, автор утверждает, что объяснение и понимание — это не разные методы познания, а компоненты процесса коммуникации между людьми: «один объясняет, а другой понимает, если ему удастся непротиворечивым образом ассимилировать полученные сведения в системе своих понятий, если же это ему не удастся, то он не понимает предложенного объяснения». В первой главе делается вывод, что «бытующее в современной социологии утверждение о том, что разные социологические школы и направления пользуются разными (принципиально отличными друг от друга) моделями объяснения — несостоятельно» (с. 64). По мнению автора, они составляют антитезу, т. е. связаны между собой общей конструкцией, складывающейся на основе изучения социального явления, что может помочь задуманному теоретическому синтезу.

На наш взгляд, эта мысль верна лишь относительно: в рамках диалектической философии. Но социология — это не философия, а вполне самостоятельная наука со своей фундаментальной теорией, как это было обосновано Ю. Левадой в 1960-е гг. и получило официальное признание в нашей стране в 1988 г. в Постановлении Политбюро ЦК КПСС. Социология — наука и теоретическая, и эмпирическая (в отличие от философии — науки только теоретической). Она не связана с диалектикой, а лишь с эпистемологией. Философия порой неспособна помочь ей. Так, решение автором парадокса Шеллинга, посвященного проблеме теоретического познания целого (в данном случае обобщению теорий девиантности), мало помогает делу именно потому, что наша наука — еще и эмпирическая. Поэтому она не впадает в парадокс Шеллинга. Тем более что его социологическое решение уже дано Р. Мертоном в его теориях среднего уровня.

С точки зрения рассматриваемой проблематики, с нашей точки зрения, важное современное достижение эпистемологии состоит в разработке логики ценностей, которая действует наряду с логикой истинности и позволяет всякий раз дать ответ на вопрос, какие социальные теории могут быть соединены, а какие — нет (Ивин 1989). Действительно, процесс коммуникации представляет собой присоединение к предложенному объяснению. Оно возможно лишь в случае общих ценностей (ведь не отказываться же от своих убеждений!). В случае использования разных ценностей (социальных, политических, внутринаучных — не в счет) синтеза теории не возникнет. Единственный путь — повышение уровня абстрагирования при синтезе теорий, вот хоть какое-то решение вместо парадокса Шеллинга. Иными словами, связь теорий через антитезу — это просто общность объекта, из которой не следует ни успеха теоретического синтеза, ни его невозможности.

Вернемся к главным результатам книги: разработке понятия социальной нормы как динамичной основы социального порядка и связанного с ним понятия девиации. Автор монографии предлагает рассматривать все существующие концепции социальных норм и девиантности как взаимодополняющие. Такой подход, по ее мнению, позволяет объединить статическую модель норм

с процессом «их нарушения в динамике (процессная модель)» (с. 69). Синтез дает динамическую модель девиантности, позволяющую использовать все объяснения: семантическое, историко-генетическое, причинно-следственное, функциональное, телеологическое. Использование процессной и статичной моделей как взаимодополняющих «позволяет снять недостатки каждой из них и, следовательно, отображать феномен девиантности более адекватно и полно» (с. 117). Соглашаясь с выводом автора, отметим, что, как нам кажется, принцип дополнительности работает здесь весьма ограниченно, на самом деле здесь используется повышение уровня абстрагирования. Так было в науке и при формулировке понятия динамического равновесия. На этой основе весьма разные социальные проблемы объединены в общее понятие социальных проблем, имеется их общая теория. Поясним на простом примере, как абстрагирование используется в теоретическом синтезе: труд — это не игра, а игра — это не работа. Однако более абстрактное понятие социального действия охватывает и труд, и игру. В отношении моделирования норм и девиантности вопрос может быть решен аналогичным образом.

Автор фактически так и делает, связывая проблематику норм с философско-антропологическим основанием своей теории, и приходит к фундаментальному различению двух групп норм: в первую входят те, которые «неизменно встречаются у всех народов и во все времена», являются универсальными и вытекают из необходимости выживания рода человеческого — это атрибутивные нормы. Другую группу образуют вторичные, условные нормы-конвенции (с. 88–90). Не пересказывая аргументов в пользу данной весьма обобщенной и удачной классификации, равно как и теоретических следствий из нее (рецензия не заменит чтения книги), отметим, что данное различение обнаруживает источник мощной принудительной силы атрибутивных норм и в то же время позволяет пересматривать соответствующие санкции за их нарушение соответственно интересам общества в определенный период истории. Второй критерий систематизации — «степень их официозности» — открывает еще более широкие возможности для анализа как официальных, так и неофициальных норм. В монографии развит соответствующий теоретико-методологический инструментарий, в том числе понятие «социальная адекватность нормы» (с. 90). В итоге специалисты получают в распоряжение вполне обозримую, теоретически и эмпирически выверенную классификацию социальных норм по уровням: 1) запрещающие, обязывающие и дозволяющие нормы; 2) первичные (атрибутивные) и вторичные (условные); 3) официальные и неофициальные; 4) социально-адекватные и утратившие адекватность нормы. Помимо описания социума данная классификация необходима и для анализа девиантных явлений.

В третьей главе автор обобщает теоретические подходы к девиантности. Основанием служит понятие «социальная справедливость» (как вариант, с оговоркой автора). К сожалению, другие варианты подробно не рассматриваются. Отправной точкой здесь является представление о человеке как биопсихосоциальном существе, и, соответственно, приводятся биологические, психологические и социологические объяснения девиантности. Это — современный уровень рассмотрения социального поведения в целом и девиантности в частности.

Изучение поведения человека как биопсихосоциального существа предполагает анализ разнородных причин, междисциплинарного, комплексного подхода. При анализе девиантного поведения он предохраняет от ошибок. Например, в (судебной) медицине получены достоверные данные о том, что суициду иногда предшествуют глубокие биологические изменения органов нейроэндокринной системы: надпочечников, щитовидной железы, могущие вместе с другими причинами привести к суицидальному поведению (Колесникова 2006). Девиантолог может и должен учитывать такие медико-биологические результаты. В противном случае твердый последователь Э. Дюргейма может ошибаться в своем социологизме. Гарантия против таких ошибок — кооперация специалистов — представителей разных отраслей науки. Повторимся: социология может и должна вносить в этот союз исследователей-девиантологов свой вклад. Именно в междисциплинарности принцип дополнительности проявляет свою интегративную эффективность, чему и содействует данная монография. В ней обобщены новейшие социологические теории девиантности, как фундаментальные (теория рационального выбора), так и теории среднего уровня, теоретические дискуссии в отечественной девиантологии. Основанием являются представления общества и общественных групп о социальной справедливости. С этим можно согласиться: в зависимости от того, считаем ли мы социальные отношения справедливыми или несправедливыми, мы будем по-разному оценивать социальные нормы и свое отношение к ним. В этом нам поможет идея справедливости, а для научного анализа — разработка автором проблематики социальной природы норм. При этом, отмечает автор, на первом месте среди истоков девиантности находится «несправедливость, творимая в отношении конкретного человека (или социальной группы) со стороны социальных институтов. Она имеет место, когда в обществе развито системное насилие и механизмы социального исключения» (с. 153). Последние из названных феноменов нашли глубокий анализ в книге.

Четвертая глава посвящена проблематике социального контроля. Помимо традиционной разработки этой подчиненной темы в категориях вины и ответственности, данная глава интересна практическим применением динамической модели девиантности, созданной автором и изложенной выше, в главе 2, здесь же изложена макро-микро-макро модель социального контроля девиантности. Сущность модели — в ее интегративности. В ней на основе социального конструктивизма соединены субъективистские и объективистские концепции девиантности. Рассмотрим, как работает эта модель.

В пространственно-временном континууме (в данном обществе и в данное время) на макроуровне складывается определенная объективная ситуация, характеризующая состояние социального контроля девиантности. Ситуация определяется: господствующей моделью контроля, соответствующей преимущественно официальной точке зрения, закрепленной в праве, в нормативных документах. В определенной степени учитывается мнение ученых. На ситуацию влияет уровень девиантности в целом, степень напряженности в обществе, социальная интегрированность членов общества, социальная защищенность, системное насилие, социальное исключение и т. д.; наличная система институ-

тов социального контроля. Эта ситуация по каналам социальной коммуникации транслируется на микроуровень социальной реальности и определяет социальный контроль как деятельность. Но социальные акторы не являются пассивными реципиентами смыслов и аргументов государственного и/или научного дискурсов. Они создают свои конструкты нормы, девиации и социального контроля. На микроуровне социальный контроль может усилить или ослабить системно-институциональные эффекты, может следовать или не следовать генеральной линии государственного дискурса, но он так или иначе влияет на макроуровневую ситуацию, трансформирует, модифицирует ее, а в случае сильной обратной связи, при развитых каналах коммуникации, желании государства учитывать мнение всех социальных агентов, меняет ее (с. 198–199). Данная модель является одной из прочных теоретических опор всей книги и важным достижением автора. Она содержит ответ на вопрос о механизмах социального порядка, полученный в девиантологии. Учитывая перспективность модели, стоит отметить ее истоки, лежащие в научной кооперации с немецкими коллегами. Автор признается, что несколько лет назад она прочла статью немецких криминологов Х. Хесса и С. Шеерера «Что такое преступность? Эскиз конструктивистской теории преступности». В ней содержится оригинальная макро-микро-макро-модель воспроизводства преступности. Статья заинтересовала автора применительно к построению общей теории девиантности, затем возникла идея, что похожую модель можно использовать для изучения и анализа социального контроля девиантности. Затем появилась и сама модель, которая органично вошла в монографию.

В заключение отметим, что невозможно дать исчерпывающее описание девиантности: она — феномен и научное понятие того же уровня абстрактности, что и другие крупные эмерджентные социальные феномены. Их комплексное исследование возможно лишь на основе междисциплинарности, когда знания из разных областей, дополняя друг друга, дают достоверную картину. Представляется, что проф. Т.В. Шипуновой вполне удалось найти свое место в ней. К сожалению, автор уделила мало внимания проблематике позитивных девиаций, но разработка такой проблематики никому еще не удавалась в рамках девиантологии.

Литература

Ивин А.А. Логико-философское исследование ценностей // Исследования по неклассическим логикам. М.: Наука, 1989.

Колесникова Е.В. К вопросу о патоморфологических исследованиях нейроэндокринной системы при завершенных суицидах // Проблемы экспертизы в медицине. 2006. № 3. С. 57–58.

Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003.

Шипунова Т.В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2 (61). С. 157–173.

Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 103–113.